

УДК 821.161.1.09«18-19»

DOI: 10.25688/2076-913X.2021.43.3.14

Н. Р. Миронова

Образы водной стихии в прозе И. А. Бунина

В статье предпринята попытка раскрыть философский смысл и символическое содержание водных образов в прозе И. А. Бунина. В произведениях разных жанров мифобраз воды анализируется в контексте представлений о воде как первооснове мироздания и в соотнесенности с внутренней организацией человеческой личности.

Ключевые слова: образ; водная стихия; архетип; миф; символ.

Космология — библейская или мифологическая — говорит о том, что вода существовала до начала сотворения мира. С точки зрения мифологии «вода — начало, исходное положение всего сущего, эквивалент первобытного хаоса» [7, т. 1, с. 240]. Вода в первую очередь связана с жизнью, а потому ассоциируется с рождением. Однако вода может обладать и разрушительной силой — размывать, затапливать, нести гибель. С мотивом воды как первоначала соотносится значение воды для обрядов омовения, крещения, возвращающих человека к исходной чистоте. В то же время водная бездна — олицетворение опасности или метафора смерти (мотив потопа). Именно благодаря своей амбивалентности образ воды часто используется в композиции художественного произведения для выражения противоположных душевных состояний человека.

Среди исследований мифосемантики водной стихии в художественных текстах можно выделить фундаментальный труд «Вода и грезы» Г. Башляра. Он пишет: «Вода должна главенствовать над землей. Она — кровь земли. Она — жизнь земли. Именно вода вовлекает весь пейзаж в свою собственную судьбу. В частности, какова вода, такова и долина» [3, с. 96]. Исследователь представляет собственную философско-поэтическую классификацию различных воплощений водной стихии в художественных текстах. Он выделяет воды прозрачные, вешние и текучие, глубокие, спящие и мертвые, материнские и женские, пресные и соленые, чистые и необузданные. Не остается без его внимания также и сочетание воды с другими стихиями. «От воды, — отмечает Г. Башляр, — набухают ростки и бьют источники: Вода — это такой вид материи, который всегда можно наблюдать при рождении и произрастании. Источник есть непреодолимое рождение, рождения непрерывное» [3, с. 34]. Архетипичность данной мифологемы, ее многочисленные интерпретации в художественных текстах позволяют писателям, используя значение

традиционного символического поля, расширить его авторской интерпретацией в контексте собственной художественно-философской концепции бытия.

Образы водной стихии в прозе И. А. Бунина зачастую связаны не только с философским смыслом произведения, но и отражают мифологический аспект сознания (подсознания) автора. Вода как один из четырех элементов сотворения мира является постоянным атрибутом в прозаическом творчестве Бунина. Неслучайно К. Г. Юнг описал бессознательное главным образом через символику воды: «Вода — это не прием метафорической речи, но жизненный символ пребывающей во тьме души» [12, с. 108]. Архетип («доминант» бессознательного), по Юнгу, это первичный образ, который существует в коллективном бессознательном и не имеет ясного содержания. «Первичные образы — это наиболее древние и наиболее общие “мыслеформы” человечества» [13, с. 18].

В разные периоды творчества И. А. Бунин обращается к водным образам. Мифологема водной стихии реализуется в различных ипостасях и находит особенно яркое воплощение в образах подвижных, земных, необузданных и глубоких вод. Ее структура на мотивном уровне реализуется через такие доминантные субмотивы, как вода-творчество, вода-время, вода-препятствие, вода-жизнь, вода-смерть и вода-очищение.

Так, в книге путевых поэм «Тень птицы» (1907–1911), по мнению Н. Пращерук, принцип космической целостности реализуется в системе повторяющихся образов моря, неба и солнца, в их соединенности [8, с. 139]. Вокруг центрального образа сгруппированы важные экзистенциальные темы и мотивы (памяти, веры, любви). Путешествуя по морю, герой пытается приблизиться к постижению феномена космического миропорядка. Встречаясь с людьми разных национальностей и вероисповеданий, общаясь с ними, слушая их языки, герой вступает в открытый диалог с историей, тем самым обретая понимание скрытого смысла и внутренней гармонии. Образ морской стихии функционирует как структурный элемент внутреннего мира художника, который стремится к гармонии.

В рассказе «Роза Иерихона» (1924) воплощается символ вечной жизни, возникающий из последовательного раскрытия тайны необычного растения, клубка сухих, колючих стеблей, унесенного странником за три тысячи верст от своей родины [1, т. 5, с. 7]. Поставленный в воду, этот клубок начинает распускаться, давать мелкие листочки и розовый цвет. Живительная сила воды дарит цветку новую жизнь. Художественный образ Розы Иерихона представляет собой сложный сгусток сознания и чувственной памяти, наполненный культурными архетипами. Ценностное значение образа раскрывается через название, библейские ассоциации, личностные переживания рассказчика, его воспоминания и философские обобщения. Роза Иерихона олицетворяет собой любовь и память, под силой которых распускаются цветы мысли, чувства, слова.

Фольклорная традиция связывает перекаати-поле — другое название иерихонской розы — с человеком, который не имеет постоянного жилья, и это значение соответствует дальнейшему развертыванию центрального переживания

лирического героя — тоски по утраченному дому. Здесь нельзя не отметить психологический параллелизм с жизнью самого Бунина: душа, словно высохшая под силой внешних обстоятельств, способна снова развернуться и воскреснуть. После потери родины, которую писатель считал полностью уничтоженной советской властью, образ Розы Иерихона отвечал авторским настроениям и поискам смысла бытия в сложный период жизни.

Очерк «Воды многие» (1925) представляет собой художественное и философское обобщение образа океана в творчестве И. А. Бунина. Герой произведения плывет на корабле «Юнан» на Цейлон, и каждый день, проведенный в открытом море, несет для него новые впечатления и открытия. На полмесяца каюта становится для героя пристанищем, временным домом (снова перед нами мотив бездомности, отчуждения). Образ океана сближается в очерке Бунина с образом неба, таким же бесконечным, могучим и загадочным. Сближение этих двух сфер, водной и небесной, отражает желание писателя соединить внутреннее родство верха и низа, смерти и бессмертия, мига и вечности.

В рассказе «Солнечный удар» (1925) потеря героями настоящей любви отражается в образах вечерней зари и воды: «Темная летняя заря угасала далеко впереди, сумрачно, сонно и разноцветно отражаясь в реке, еще кое-где светившейся дрожащей рябью вдали под ней, под этой зарей, и плыли и плыли назад огни, рассеянные в темноте вокруг» [1, т. 5, с. 245]. Вода как символ быстротечности жизни и чувств сопровождает героев рассказа.

В книге И. А. Бунина «Темные аллеи» (1937–1945), которую сам автор считал своим лучшим творением, в целом ряде рассказов образы воды выполняют сюжетобразующую функцию.

Так, в рассказе «Степа» (1938) гроза перекликается с глубоким потрясением невинной героини, которую, поддавшись вожделению, губит молодой купец Красильщиков. Искупительной влагой, очищающей от греха, проливаются слезы раскаяния Степы Прониной. Люди, по мнению Г. Башляра, «путем очищения приобщаются к некоей силе: живительной, возрождающей, поливалентной» [3, с. 200]. В данном контексте очистительную семантику приобретает вода небесная — дождевая, усиленная соотношением образа дождя с образом слез, который традиционно связан с мотивами катарсического очищения. Таким образом, в рассказе представлены две ипостаси дождя: разрушающей стихии и очищающей влаги — мифообраз воды проявляет свою амбивалентность.

В рассказе «Поздний час» (1938) выявляется другая ипостась воды, связанная с представлениями о смерти. Во многих культурных традициях разграничение между миром живых и потусторонним миром изображалось через образ реки, мост через которую символизировал переход души в мир умерших. По мосту идет через реку и герой рассказа, вспоминая об умершей возлюбленной. Его ночной путь в древний и далекий город ассоциируется с мифическим путешествием Орфея в царство мертвых. Особое внимание уделяется

писателем образу опустошенного, молчаливого парохода: «...в мерцающем, дрожащем блеске воды белел колесный пароход, который казался пустым, — так молчалив он был, — хотя все его иллюминаторы были освещены, похожи на неподвижные золотые глаза и все отражались в воде струистыми золотыми столбами: пароход точно на них и стоял» [1, т. 7, с. 38]. Об образе корабля у Бунина говорит Ю. Мальцев: «Корабль — символ несущегося над бездной небытия человечества, капитан — символ всемирной гармонии, капитан — символ всевышнего» [6, с. 115]. Ряд устойчивых символов в творчестве Бунина отмечает О. Сливацкая: «Пафос бунинского мира — это ценность Единичного при целостности Единого... Единое — немногочисленные, но чрезвычайно емкие символы: океан, корабль, ночь и др.» [10, с. 41].

В рассказе «Руся» (1940) природная стихия стала источником любовного влечения молодых людей: «Однажды она промочила в дождь ноги, вбежала из сада в гостиную, и он кинулся разувать и целовать ее мокрые узкие ступни — подобного счастья не было во всей его жизни» [1, т. 7, с. 47]. Дождь способствовал выявлению изначально заложенного в человеческую душу любовного инстинкта. Особой семантикой обладает описание самого озера, по которому на лодке путешествуют герои: «...езде было так мелко, что видно было дно с подводными травами, но оно как-то не мешало той бездонной глубине, в которую уходило отраженное небо с облаками» [1, т. 7, с. 49]. Здесь перед нами снова предстает образ отраженного в водной глубине неба, традиционный для творчества И. А. Бунина: его можно обнаружить в таких произведениях, как «Поздний час» (1938), «Муза» (1938), «В такую ночь» (1949) и др. Как упоминалось ранее, сближение водной и небесной стихий подчеркивает взаимосвязь плотского и духовного, временного и вечного. Пару «вода – небо» Т. И. Скрипникова включает в ряд «смысловых констант пейзажной лирики Бунина» [9, с. 62–63].

В этом же рассказе в контексте ночного купания героини образ воды наполняется иным содержанием. После интимной близости Руся желает искупаться, словно совершая ритуальное очищение. Ночное купание героини можно трактовать и как попытку освобождения с помощью воды от «грязи греха», что отсылает нас к мифопоэтическим представлениям о воде как стихии, признанной надежным средством внутреннего духовного очищения от грехов [2, с. 184–185].

Как отмечает М. Элиаде, «символическое погребение, полное или частичное, обладает той же религиозно-магической значимостью, что и погружение в воду при крещении» [11, с. 91]. Погружение в воду, таким образом, равнозначно новому рождению. Сам факт возможности нескольких интерпретаций свидетельствует о многослойности бунинских текстов и гибкости создаваемых писателем образов, ведь, чем большее число истолкований допускает текст, тем выше, по словам Ю. Лотмана, степень его художественности [5, с. 90].

В рассказе «Темные аллеи» (1953) дождливое ненастье приводит Николая Алексеевича на постоянный двор, хозяйкой которого оказывается Надежда, подарившая ему тридцать лет назад самые прекрасные минуты жизни. Вода здесь становится и олицетворением жизненного пути. «Как о воде протекшей будешь вспоминать» [1, т. 7, с. 9], — говорит Николай Алексеевич Надежде, имея в виду безвозвратно ушедшую молодость. Течение воды может символизировать ход времени. На взаимосвязь воды и времени указывает и Г. Башляр. Для автора очевидно, что художественное воплощение образов прошлого может передаваться через интерпретацию мифосемантики водной стихии [3, с. 86]. Смысловой опорой для сближения образов времени и воды является идея текучести: вода струится, течет, представляет собой субстанциональное воплощение идеи сменности бытия, движения времени. Дождь как символ нарушителя спокойствия, только добавляет и усиливает проблемы лирического героя рассказа. Водная стихия предстает как всемирный фон, жизненный водоворот, в котором действует человек.

Символика воды проявляется и в других произведениях И. А. Бунина эмигрантского периода, не входящих в цикл «Темные аллеи». Так, в повести «Митина любовь» (1924) дождь символизирует болезненное для героя чувство любви к Кате. Мучительные воспоминания, ожидания, предчувствия обмана, крах надежд Мити изображены автором предельно глубоко. Образ дождя в произведении сосуществует в одном ритме, в одном смысловом поле с психологическим состоянием героя: «Дождь, начавшийся еще в среду, ливший с утра и до вечера, лил как из ведра. Он то и дело припускал в этот день особенно бурно и мрачно. И весь день Митя без устали ходил по саду и весь день так страшно плакал, что сам дивился силе и обилию своих слез» [1, т. 5, с. 378].

В рассказе «Визитные карточки» (1940) выделяются запахи осени и реки — «стеклянным холстом катилась шумящая вода, дыша этим сильным воздухом осени и Волги» [1, т. 7, с. 73], — подчеркивая особую роль любовного эпизода, произошедшего на пароходе в окружении водного пространства реки. В данном рассказе, как и в творчестве Бунина в целом, «то, что происходит во внутреннем мире человека, открывается по созвучию с природным состоянием» [4, с. 46].

Приведенные примеры художественного выражения символического, мифологического и в то же время архетипического содержания образа воды позволяют судить о сложной структуре внутреннего мира писателя, индивидуальном осмыслении им традиционных поэтических образов. Символический смысл образа воды раскрывается в уподоблении течению жизненного пути человека. Не только дождь, волна, водоем становятся героями на фоне водяного топоса, но и корабль, лодка, пароход, что подчеркивает связь между макро- и микрокосмом, сигнализирует о взаимосвязи человеческого и природного миров. Образность водной стихии формирует глубокий аллегорический подтекст прозаического наследия И. А. Бунина.

Библиографический список

Источники

1. Бунин И. А. Собр. соч.: в 9 т. / под общ. ред. А. С. Мясникова [и др.; вступ. статья А. Т. Твардовского; примеч. О. Н. Михайлова и др.]. М.: Худ. лит., 1965–1967.

Литература

2. Афанасьев А. Н. Мифы, поверья и суеверия славян. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. / сост., подгот. текста и коммент. К. Королева. Т. 2. М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2002. 768 с.

3. Башляр Г. Вода и грезы. Опыт в воображении материи. М.: Изд-во гуманит. литературы, 1998. 268 с.

4. Дырдин А. А. Эстетика природы в творчестве М. А. Шолохова // Вестник МГПУ. Серия: Филологическое образование. 2012. № 1 (8) 2012. С. 43–50.

5. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Наука, 1970. 236 с.

6. Мальцев Ю. Иван Бунин. М.: Посев, 1998. 432 с.

7. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. 2-е изд., репр. изд. М.: Большая Рос. энцикл., 2003.

8. Пращерук Н. В. «Реалистический» вариант русского модернизма: о прозе И. А. Бунина // Романтизм vs реализм: парадигмы художественности, авторские стратегии: сб. науч. ст. к 100-летию со дня рождения проф. И. А. Дергачева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. С. 129–163.

9. Скрипникова Т. И. Смысловые константы пейзажной лирики И. А. Бунина // И. А. Бунин в начале XXI века: мат-лы и ст.: межвуз. сб. науч. трудов, посвященных творчеству писателя. Воронеж: Квадрат, 2005. С. 62–68.

10. Сливицкая О. «Повышенное чувство жизни»: мир Ивана Бунина. М.: РГГУ, 2004. 268 с.

11. Элиаде М. Священное и мирское / пер. с фр., предисл. и коммент. Н. К. Гарбовского. М.: Изд-во МГУ, 1994. 143 с.

12. Юнг К. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.

13. Юнг К. Очерки по психологии бессознательного / пер. с англ. В. В. Зеленского. 2-е изд. М.: Когито-Центр, 2010. 352 с.

References

Istochniki

1. Bunin I. A. Sobr. soch.: v 9 t. / pod obshh. red. A. S. Myasnikova [i dr.; vstup. stat`ya A. T. Tvardovskogo; primech. O. N. Mixajlova i dr.]. M.: Xud. lit., 1965–1967.

Literatura

2. Afanas`ev A. N. Mify`, pover`ya i sueveriya slavyan. Poe`ticheskie vovzreniya slavyan na prirodu: v 3 t. / sost., podgot. teksta i komment. K. Koroleva. T. 2. M.: E`ksmo; SPb.: Terra Fantastica, 2002. 768 s.

3. Bashlyar G. Voda i grezy`. Opy`t v voobrazhenii materii. M.: Izd-vo gumanit. literatury`, 1998. 268 s.

4. Dy`rdin A. A. E`stetika prirody` v tvorchestve M. A. Sholoxova // Vestnik MGPU. Seriya: Filologicheskoe obrazovanie. 2012. № 1 (8) 2012. S. 43–50.

5. Lotman Yu. M. *Struktura xudozhestvennogo teksta*. M.: Nauka, 1970. 236 s.
6. Mal'cev Yu. Ivan Bunin. M.: Posev, 1998. 432 s.
7. Mify` narodov mira: e`nciklopediya: v 2 t. / gl. red. S. A. Tokarev. 2-e izd., repr. izd. M.: Bol`shaya Ros. e`ncikl., 2003.
8. Prashheruk N. V. «Realisticheskij» variant russkogo modernizma: o proze I. A. Bunina // *Romantizm vs realizm: paradigmy` xudozhestvennosti, avtorskie strategii: sb. nauch. st. k 100-letiyu so dnya rozhdeniya prof. I. A. Dergacheva*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2011. S. 129–163.
9. Skripnikova T. I. Smy`slovy`e konstanty` pejzazhnoj liriki I. A. Bunina // I. A. Bunin v nachale XXI veka: mat-ly` i st.: mezhvuz. sb. nauch. trudov, posvyashhenny`x tvorchestvu pisatelya. Voronezh: Kvadrat, 2005. S. 62–68.
10. Sliviczskaya O. «Povy`shennoe chuvstvo zhizni»: mir Ivana Bunina. M.: RGGU, 2004. 268 s.
11. E`liade M. *Svyashhennoe i mirskoe* / per. s fr., predisl. i komment. N. K. Garbovskogo. M.: Izd-vo MGU, 1994. 143 s.
12. Yung K. *Arxetip i simvol*. M.: Renessans, 1991. 304 s.
13. Yung K. *Ocherki po psixologii bessoznatel`nogo* / per. s angl. V. V. Zelenskogo. 2- e izd. M.: Kogito-Centr, 2010. 352 s.

N. R. Mironova

The Images of Water Element in I. A. Bunin's Prose

The article attempts to reveal the philosophical meaning and symbolic content of water images in the prose of I. A. Bunin's. Works of different genres prompt the myth of water being analyzed in the context of water seen as the fundamental pillar of the universe and in relation to the internal organization of the human personality,

Keywords: image; water element; archetype; myth; symbol.